

Голова раскалывалась от боли.

Виски пульсировали, сосуды набухали в ритме сердцебиения, будто готовы были лопнуть в любой момент. Липкая тёплая жидкость медленно стекала по виску, капая с подбородка на пол с глухим звуком.

Постепенно возвращалось восприятие. Вокруг было тихо и пусто, даже легкий шорох ткани при повороте головы казался оглушительным. Воздух здесь был слегка влажным, с примесью пыли, отчего я невольно сморщился.

Кроме общей слабости, связанных за спиной рук и пульсирующей боли в висках, перед глазами стояла кромешная тьма.

Почувствовав легкое давление на веки, я понял, что мне завязали глаза.

Так подумав, я осторожно попытался открыть глаза.

Сквозь щель между тканью и глазами проникал лишь слабый свет, больше ничего рассмотреть было невозможно.

Но самое непонятное — это была моя грудь. С ней всё было в порядке.

Сердце по-прежнему билось ровно — источник моей жизненной силы. Однако я отчётливо помнил, что перед потерей сознания в него вонзились пули.

Эти пули были выпущены из двух пистолетов, которые я лично заказал в Германии и привез с собой. Их специальные боеприпасы способны были пробить даже пуленепробиваемое стекло.

Я и представить не мог, что пистолеты и пули, на которые я потратил состояние, в конечном итоге будут использованы против меня — и ни одна пуля не пролетит мимо. Две пушки, четырнадцать снарядов, все они насквозь пронзили моё сердце, превратив грудь в решето.

...Такая пронзительная боль, казалось, останется со мной даже в аду.

Но сейчас моя грудь была цела, сердце билось спокойно.

Как я мог не удивляться?

— Эй, что ты собираешься делать с деньгами?

Я вздрогнул, только сейчас заметив, что неподалеку кто-то есть.

— Этот куш достаточно большой. Как только получу деньги, женюсь и займусь бизнесом. Надоело уже жить в постоянном страхе, — с раздражением ответил другой голос.

Видимо, они ещё не знали, что я очнулся. Я замедлил дыхание, внимательно прислушиваясь к их разговору, надеясь получить какую-то полезную информацию, чтобы понять, что происходит.

— Ты думаешь... этот парень стоит трёх миллиардов?

Три миллиарда?

Конечно, я стою больше. Три миллиарда — это лишь мелочь для семьи Гу. Эти люди, решившие

меня похитить, должны были хотя бы выяснить, кого они собираются шантажировать.

Но теперь, боюсь, в семье Гу я не стою ни гроша.

— Почему нет? — возразил другой голос, как будто это было само собой разумеющимся. — У его отца только один сын. Три миллиарда — это мелочь, он точно заплатит.

Мой отец?

Это меня сбило с толку.

Мой отец, страдавший бесплодием, действительно был у меня один-единственный. Но он умер восемьсот лет назад, скончавшись от «переутомления» в постели любовницы. Ему тогда было всего сорок, в расцвете сил, и смерть его была позорной. Теперь же поскольку оказывается, есть кто-то, кто хочет получить деньги от моего отца. Должны были бы быть те двое, кто превратил мою грудь в решето.

Я невольно усмехнулся.

Даже если я стою гораздо больше трёх миллиардов, семья Гу больше не заплатит за меня ни копейки.

— После этого дела я больше не буду этим заниматься, черт возьми, до сих пор сердце колотится, — услышал я, как один из них непрерывно потирал ладони, явно нервничая.

Другой голос звучал гораздо спокойнее:

— Не нервничай, остался всего час.

Тот плюнул и замолчал.

Пространство снова погрузилось в тишину, лишь моё дыхание и гулкое сердцебиение нарушали её.

— Моё сердце всё ещё бьется.

Как бы я ни пытался это понять, это был факт.

Веревки на руках были затянуты очень туго. Пока я сосредоточенно слушал их разговор, я не обращал на это внимания, но теперь почувствовал тупую боль. При малейшем движении запястья грубая веревка впивалась в кожу, ладони уже были влажными, а в воздухе появился едва уловимый запах крови.

Хотя ноги не были связаны, веревки на руках, казалось, были привязаны к чему-то, ограничивая мою подвижность.

В этот момент слышались торопливые шаги, приближающиеся к месту, откуда доносился разговор.

— Б-брат, старший брат! — голос этого человека был полон тревоги и паники, тон непроизвольно повышался. — Семья Жун только что отправила людей в наш переулок Гуфан!

— Что?! — более нервный из двух собеседников вскочил.

Старший брат? Этот человек, такой вспыльчивый и легкомысленный, был не более чем уличным хулиганом. Как он мог заслужить такое обращение? В своей жизни я встречал многих, кого называли «старшими братьями», и все они были выдающимися личностями, величественными и благородными. Никогда я не слышал, чтобы уличный хулиган заслуживал такого титула. Другой человек из разговора был гораздо спокойнее.

Не сдержавшись, я тихо фыркнул.

...Мой голос звучал странно.

Но прежде чем я успел подумать об этом, меня схватили за воротник и подняли в воздух, ноги болтались.

...Что-то не так.

Мой рост — метр восемьдесят пять, тело мускулистое, весит не менее семидесяти-восьмидесяти килограммов. И сейчас я висел в воздухе, причем человек, который держал меня, использовал только одну руку.

Такая сила рук явно не принадлежала уличному хулигану. Кроме того, его рост должен был быть хотя бы на пять-шесть сантиметров выше моего.

Раздался резкий звук, и щеку обожгла острая боль.

Моё лицо сразу же стало холодным. В своей жизни меня ещё никто не бил по лицу.

— Черт! Ты, паршивец, чего ржешь?! Твоему отцу, прежде чем прийти, ещё и моё гнездо разорить удалось! — он скрежетал зубами, я невольно отклонил голову, чтобы избежать брызг слюны. Его слова по-прежнему были для меня непонятны. — Черт, парень, я...

Я не сдержался и прервал его:

— Не строй из себя моего отца.

— Заткнись, черт возьми! — раздался ещё один резкий удар. На этот раз он ударил с такой силой, что у меня зазвенело в ушах, голова закружилась, а боль в виске усилилась.

— Я тебе скажу, твой отец, похоже, не собирается платить выкуп. Надеюсь, ты крепкий парень и для отца ты что-то стоишь, иначе, если я случайно тебя убью, то это будет твоя судьба! — он схватил меня за воротник, почти крича. — Веди себя прилично, иначе я тебя прикончу, понял?!

Я висел в воздухе, руки были связаны, и каждый раз, когда он тряс меня, веревка впивалась в раны. Боль в виске, щеке и запястьях заставляла меня терять сознание.

Что-то не так.

Когда меня сбила машина и она проехала по моей ноге, я не чувствовал такой боли, как сейчас. Почему же сейчас...

Ноги!!

Моё тело вдруг напряглось, ноги, которые болтались в воздухе, замерли.

Я широко открыл глаза, пытаюсь посмотреть вниз, но завязанные глаза ничего не видели.

По спине медленно пополз холодок.

Чтобы спасти усыновлённых близнецов, мои ноги были полностью раздавлены грузовиком в день моего тридцатилетия. Прошло десять лет, и теперь мне почти сорок. Эти ноги были парализованы почти десять лет. Почему сейчас я снова чувствую их?

Я попытался напрячь ступни и действительно почувствовал, как икры напрягаются, лодыжки двигаются, даже пальцы ног вытягиваются.

Это было ясно и реально.

— Неужели это сон?

Я всегда считал себя человеком с сильной способностью адаптироваться. Но сейчас мой мозг будто застыл, полностью перестав функционировать.

Целая грудь, здоровые ноги.

Это выходило за пределы моего понимания.

— Напугался, да? — в полубессознательном состоянии я услышал тихий насмешливый голос.

— Такой сопляк, конечно, никогда не видел такого, — другой голос ответил с таким же презрением.

Сопляк.

<http://bllate.org/book/16596/1516531>